

Судьба всегда дает шанс! Не верите?
Читайте романы Олега Роя:

-
- Мир над пропастью
- Муж, жена, любовница
- Улыбка черного кота
- Дом без выхода
- Капкан супружеской свободы
- Обещание нежности
- Нелепая привычка жить
- Амальгама счастья
- Обняться, чтобы уцелеть
- Украденное счастье
- Барселонская галерея
- Эдельвейсы для Евы
- Банкротство мнимых ценностей
- Мужчина в окне напротив
- Сценарий собственных ошибок
- В сетях интриг
- Галерея «Максим»
- Пасынки судьбы
- Он & Она
- Вдали от рая
- Паутина лжи
- Игра без правил
- Шаль
- Тайна
- Искупление
- Тот, кто стоит за плечом
- Письма из прошлого
- Три краски
- Одно чудесное пари
- Человек за шкафом
- Повторный брак
- Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
- Фантомная боль
- Я тебя никому не отдам
- Привет, моя радость!
- Двойная жизнь
- Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
- Писатель и балерина
- Семь признаков счастья
- Маскарад на семь персон
- Страх
- И небеса пронзит комета
- Числа зверя и человека
- Диалогия «Ловушка»
- Ловушка для вершителя судьбы
- Ловушка для влюбленных
- Секреты семейного счастья от Олега Роя
- МУЖЧИНА и женщина
- ЖЕНЩИНА и мужчина
- Скользящий странник

Глава 1

Сердце из кремня

Новосибирск встречал Спиридонова переменной облачностью; судя по всему, не так давно прошел дождь, краски вокруг были яркими, сочными, воздух все еще был насыщен влагой.

Ступив на перрон, Виктор Афанасьевич достал папиросы и закурил последнюю, спрятав пустую пачку в карман кителя, чтобы при случае выбросить в урну. И тут он увидел Ощепкова.

Виктор Афанасьевич сразу узнал его, хоть и представлял себе по-другому. Василий Сергеевич оказался крупнее и старше (последнее, впрочем, легко объяснить — фотографии в деле были нескольких лет давности). Одет он был в простой костюм, какие носят советские служащие летом, — светлая блуза с накладными карманами и чуть более темные просторные брюки. На ногах — ботинки армейского образца, в каких ходила тогда вся страна независимо от пола и возраста. На голове — светлая шляпа с широкими полями, довольно-таки несерьезная. Через руку переброшен светлый же плащик — их на юге России почему-то зовут макинтошами.

Виктор Афанасьевич нарочно зашел не с той стороны, куда Ощепков смотрел, выглядывая его, и бодро проговорил:

— Василий Сергеевич, не меня ли высматриваете? Я Спиридонов.

И протянул ему руку, с ноткой злорадства глядя на мгновенное замешательство. Впрочем, Ощепков совладал с собой моментально.

— Как я вас упустил? — патетически воскликнул он, крепко пожимая протянутую ему руку. — Рад познакомиться, Виктор Афанасьевич, весьма наслышан.

— Как и я про вас, — с готовностью отвечал Спиридонов. — Но, конечно, хотелось бы познакомиться ближе, коллега. Должен сказать, вашими успехами я впечатлен.

Ощепков смутился, натурально, как институтка. Высший дан по дзюудзюцу, вынужден был напомнить себе Спиридонов. В поведении, да и во всем облике Ощепкова было что-то детское, невинное, незамутненное. Это как-то не вязалось ни с его шпионской биографией, ни с тем, что было известно о нем как о дзюудоку.

— Непременно! — ответил Ощепков с энтузиазмом. — Нас с вами объединяет дзюудзюцу, а это, как вы знаете, намного больше, чем «схватил-подсек-повалил».

Виктор Афанасьевич кивнул. На его вкус, Ощепков был простоват, как инженерный карандаш.

— Несомненно, — улыбнулся он. — Сгораю от нетерпения узнать вашу историю. Вы видели места, где я только мечтал побывать, Кодокан...

— В свою очередь хотел бы познакомиться с вашей историей, — ответил Ощепков. — Как я слышал, вы учились у японского мастера. Я многих среди них знаю. Хотелось бы провести с вами хотя бы один поединок. Вы ведь тренируете московскую милицию; о вас говорят как о большом мастере...

— И вам не терпится узнать, насколько это соответствует действительности? — улыбнулся Виктор Афанасьевич. — Как я могу вам отказать? Мне только надо найти какую-нибудь гостиницу, а потом...

— Я отвезу вас, — живо вызвался Ощепков, — у меня извозчик заложен. А для вас заказан номер в «Метрополе»... простите, в «Октябрьской», просто все ее «Метрополем» здесь называют, как раньше.

И он улыбнулся какой-то бесхитростной, совершенно детской улыбкой. Улыбка ему удивительно шла.

— В «Метрополе»? — удивился Виктор Афанасьевич. — Но зачем? Я же не нэпман какой-то, меня бы вполне устроила чистая койка в какой-нибудь гостинице попроще.

Ощепков опять смутился. Но не так, как можно было бы ждать от провинциального чиновника, раболепствующего перед столичным и начинающим метать перед ним бисер (вспомним отечественных сатириков от Гоголя до Ильфа и Петрова). Нет, Василий Сергеевич смущался не от того, что чувствовал себя «на скользкой почве». Его смущение шло от души, от чистого сердца:

— Вы здесь из-за меня... Прodelали долгий путь, оторвались от своих дел, оставили учеников...

Виктор Афанасьевич остановился и сказал почти строго:

— Но ведь и вы собираетесь оставить своих... И не просто надолго. Если все сложится так, как надо, вас переведут в Москву.

Василий Сергеевич посмотрел Спиридонову прямо в глаза и со вздохом ответил:

— Видит бог, мне бы этого не хотелось! Я привязчивый. Очень привыкаю к людям, к местам... Я любил Сахалин, хотя

там нечего было особо любить, любил Токио, хотя он совершенно чужой нам, любил Владивосток... Теперь вот люблю Новосибирск. Но судьба не интересуется нашими предпочтениями. Я не виноват, что Машенька расхворалась. — Его глаза подозрительно заблестели, но Ощепков быстро взял себя в руки: — В свое оправдание скажу, что мне есть на кого оставить секцию. Другим тоже следует расти, а мне — обживаться на новом месте. Такова жизнь...

Спиридонов машинально кивнул, и они продолжили путь.

* * *

Оставив вещи в гостинице, Виктор Афанасьевич и его спутник сразу же отправились в спортклуб Осоавиахима, где Ощепков проводил занятия. Машин в городе почти не было, да и гужевого транспорт не запрудил улицы, и в целом, если сравнить с Москвой, Новосибирск казался тихим и патриархальным, о чем Виктор Афанасьевич опрометчиво не преминул сообщить Василию Сергеевичу.

Тот отреагировал, видимо, с легкой обидой, потому как пустился в пространные объяснения:

— Во-первых, мы с вами едем по периферийным кварталам, вдали от, так сказать, делового центра. А во-вторых, сегодня же пятница. Все домой спешат, отдохнуть после трудовой недели.

— А с преступностью у вас как? — поинтересовался Спиридонов, не подав виду, что заметил обиду.

— Бог миловал, — с удовлетворением ответил Ощепков. — Во Владивостоке похуже было, и то справлялись. А в Москве что?

Виктор Афанасьевич вздохнул:

— Да уж не то что раньше, но могло быть получше. Сознательность в народе растет медленно. Но мы над этим работаем, так сказать, не покладая рук и не жалея ног.

Василий Сергеевич каламбура, скорее всего, не понял:

— Здорово! Я вот занимаюсь с рабочей молодежью, и, доложу я вам, сколько в этой среде талантов! Золотое дно. Хорошо, что советская власть дает им возможность прорасти, не как встарь: упало зерно в терние... — Виктор Афанасьевич молчал, и Василий Сергеевич продолжил: — Дзюудзюцу меняет человека, меняет к лучшему. Я заметил, ко мне многие приходили, чтобы «научиться драться». Сейчас они совсем другие люди.

— Научились драться? — ровным голосом уточнил Спиридонов.

Ощепков выражением лица дал понять, что речь о другом:

— Научились жить! Думать научились, и все благодаря дзюудзюцу. Вы, кстати, как, не проголодались с дороги? Можем в столовую заехать, ресторана, правда, не могу предложить.

— Спасибо, не голоден, — ответил Виктор Афанасьевич. При его обычно скудном пайке и после вчерашней обильной трапезы в вокзальном общепите он мог не испытывать чувства голода еще дня три. — А вот курево мне купить стоило бы. У меня кончилось, а на вокзале я разносчиц что-то не заметил. Брал с собой в дорогу, но все выкурил... В поезде, знаете ли, чем еще заниматься?..

— Тогда остановимся у табачной лавки, — решил Ощепков и спросил у извозчика: — Дружок, здесь где-нибудь махоркой торгуют?

— На перекрестке есть лабаз Потребсоюза, Василь Степаныч, — степенно ответил тот, — да товар там негодный, одно название, что табак, а так солома сухая. Заехать, что ли, к Дешевкиным? У них есть любое курево, хошь «Кино», хошь буржуйское зелье. Правда, цены дерут, буржуи недобитые...

— Заедь, дружок, будь добр, — попросил Ощепков, удобнее усаживаясь на сиденье. — А уж вы меня, Виктор Афанасьевич, великодушно простите, курить, по-моему, дело дурное.

— Извозчик-то ваш, что ли? — Виктор Афанасьевич пропустил замечание о вреде табака мимо ушей. Только морализаторства ему тут не хватало!

— Чей это «наш»? Новосибирский? — удивился Ощепков.

— А откуда же он вас знает? — в свою очередь был удивлен Спиридонов.

Ощепков разулыбался:

— А меня тут каждая собака знает, не то что рабочий люд. Как там у Есенина? «В переулках каждая собака знает мою легкую походку». Вот только, к счастью, по другому поводу.

Будь на месте Ощепкова кто-то другой, Виктор Афанасьевич давно бы решил, что тот задается, кичится своим показательным образом жизни — с Ощепковым представить себе такое было решительно невозможно. Казалось, Василий Сергеевич был напрочь лишен и малейшего намека на то, чтоб лукавить и играть роль. Говорят, сильные от природы люди добры. Действительно, очень часто, если не всегда, злыми человеконенавистниками люди становятся оттого, что несчастны и не видят ничего лучше, чем делиться своим

несчастьем с окружающими. Впрочем, и сильных людей не обходят несчастья...

— Вот и лавка, — сообщил Ощепков, локтем дружелюбно подпихнув Спиридонова в бок. — Идите покупайте свою милую вашему сердцу отраву, а мы подождем.

Виктор Афанасьевич проворно выскочил из коляски и поспешил под сень вывески бедного провинциального сородича московских нэпманских «универсальных магазинов». Здесь, как и в Москве, можно было отовариться чем угодно — с поправкой на провинциальность заведения, разумеется. Виктор Афанасьевич, впрочем, купил только две пачки папирос «Кино», дешевых и дурно пахнувших. Выйдя на крыльцо, с наслаждением закурил. И как это он выдержал час без курева? Обычно он закуривал каждые полчаса...

«Надо будет перед отъездом сюда еще разок заскочить, — отметил он про себя. — Две пачки — этого мне не хватит...»

Он все думал об Ощепкове. Образ прожженного афериста-двурушника рассеялся, но осадок сомнений все же оставил. Доверять Ощепкову Виктор Афанасьевич не мог, но и воспринимать его как прохиндея тоже уже был не в состоянии. Больше всего Василий Сергеевич напоминал добродушного увальня, но...

Но как тогда он сумел так успешно сотрудничать с разведкой ДВР, скажите на милость? Откуда в этом бесхитростном человеке столько нашлось... (он поискал слово) изворотливости? Ведь иначе как он мог уцелеть, когда все подполье оказалось проваленным? Вот в чем загвоздка... Ну да ладно. Посмотрим, что он сам скажет на это.

Докурив, Виктор Афанасьевич вернулся в коляску.

— Простите, задержался, — пробормотал он, забираясь на сиденье. — Не хотел травить вас дымом.

— Да курите, товарищ, — великодушно разрешил извозчик, — не стесняйтесь. Иные пассажиры как сядут, да как пойдут дымить вчетвером...

Свое извинительное замечание Спиридонов адресовал не извозчику, конечно же, а Ощепкову с его правильным образом жизни, но вносить ясность было бы глупо.

До спортзала, оборудованного в старом угольном складе, добрались быстро. Здание напоминало саманный китайский овин ровно настолько, насколько океанский лайнер напоминает озерную плоскодонку, однако Виктор Афанасьевич поймал себя на каком-то смутном чувстве узнавания. Окна под крышей, сквозь которые льется в зал серый свет пасмурного дня, обширное пространство с белым квадратом татами на полу... точнее, квадратами — татами в зале было несколько, а главное — символ инь-ян на стене — вот что служило поводом к спиридоновскому дежавю.

— Вот здесь мы и тренируемся, — прокомментировал Ощепков, пропуская Спиридонова вперед. — Не бог весть что, конечно, но и того довольно.

— По-моему, совсем неплохо, — откликнулся Виктор Афанасьевич. — Как будете в Москве, я вам свой зал покажу. Условия примерно те же, только и того, что паровое отопление имеется. Зимой-то вы как?

— Мерзнем, что уж тут говорить, ну и тренируемся в ватниках с валенками, — улыбнулся Василий Степанович. — Здесь температура ниже четырех не падает даже в самые лютые морозы.

Фразу про Москву он, похоже, пропустил мимо ушей, а Виктор Афанасьевич ее запустил как пробный шар. И что он узнал? Да ровным счетом ничего. Ощепков был весь округлый, ухватиться не за что. Может быть, в этом и секрет его конспиративных успехов?

— Вот тут у нас раздевалки, — Василий Степанович указал на воздвигнутые в конце зала деревянные выгородки. — Это ребята сами сообразили, есть среди них рукастые, из рабочей молодежи. А мой кабинет наверху. По лестнице надо подняться.

Он остановился у лестницы и сказал со смущением:

— Вы уж простите, Виктор Афанасьевич, но домой к себе я вас пригласить не могу. У Машеньки открытая форма, дом превращен, можно сказать, в лазарет. Меня-то хворь не берет, бог знает почему, а за вас я в ответе: вдруг заразиться? Да и Маша слаба, не до гостей ей...

Виктор Афанасьевич кивнул:

— Заразиться я не боюсь, а вот больную тревожить и впрямь ни к чему. Побеседуем у вас в кабинете. У нас время-то есть?

Василий Сергеевич посмотрел на часы (какие-то дешевенькие, с тонкими стрелочками и картонным циферблатом в металлическом корпусе):

— Тренировка через два часа с половиной. Вы же останетесь на тренировку? Вы мне еще и поединок обещали.

Виктор Афанасьевич улыбнулся. В словах Ощепкова опять проступило что-то детское; так дети напоминают родителям, что те обещали сводить их в зоосад:

— Я не из тех, кто нарушает обещания. Посмотрим, чему вы учите своих бойцов. Может, что-то и почерпну...